

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 40

**Томск
2011**

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ УСЛОЖНЕНИЯ

В.Е. Ключко (Томск)

*Работа выполнена при поддержке ФЦП
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
на 2009–2013 гг. (ГК № 02.740.11.0600 от 22.03.2010 г.)*

Аннотация. Рассматривается проблема развития психологической науки с точки зрения присущей ей парадигмальной динамики, проявляющейся в закономерном усложнении профессионально-психологического мышления. Транспективный анализ показан как методологическое средство изучения открытых саморазвивающихся систем. Опираясь на транспективный анализ, автор выявляет закономерности развития науки, которые проявляют себя ростом сложности используемых познавательных средств и процедур. Рассматриваются основания прогрессивного развития психологической науки как открытой самоорганизующейся теоретической системы. Выделяются простое мышление (одномерно-бинарное), свойственное классической науке, и сложное мышление (бинарно-тернарное), свойственное неклассической науке. Утверждается, что современная психология движется к постнеклассической парадигме и при этом тернарное мышление сменяется многомерным, в рамках которого психика и сознание получают новое объяснение.

Ключевые слова: парадигма; типы научной рациональности; простое мышление; сложное мышление; сверхсложное мышление; бинаризм; тернаризм; многомерность; саморазвитие; самоорганизация; теория психологических систем; транспективный анализ.

Можно выделить по крайней мере два основания, которые вынуждают проявить интерес к проблеме того, почему и каким именно образом эволюционирует психологическое мышление в процессе развития науки. Одно из них связано с особенностями социального заказа, обращенного к психологии, а другое – с современным состоянием нашей науки – степенью ее готовности принять этот заказ к исполнению. Что касается первого основания, то суть его заключается в невиданном ранее усложнении мира, делающем проблемным само существование человека. «Мегатехнологический сдвиг» в развитии цивилизации предъявляет новые требования к психике человека, сознанию, но при этом открывается обратная сторона: этот сдвиг оказывает мощное воздействие на формирование *иных способов мышления* и философского осмысления ситуации, что, по мнению В.И. Аршинова, определяет заказ «на новый вариант философствования» [3]. Теоретик сверхсложности Р. Барнетт утверждает, что мир, в котором мы живем, уже давно перестал быть сложным – он «сверхсложен». Сверхсложность, по Р. Барнетту, «это та-

кой тип сложности, при котором даже границы понимания мира проблематизируются», что приводит к необходимости *переосмысления* не только теорий, практик, технологий и институтов, но и «тех структур, в рамках которых мы выдвигаем теории» [4].

Возникает естественный вопрос о том, насколько современная психология способна перевести ощущение происходящего сдвига в форму предпосланного ей прямого заказа на переосмысление тех форм мышления, опираясь на которые она традиционно ставила и пыталась решать свои основные проблемы. При этом часть из них так и остаются нерешенными, а сами решения последовательно откладываются «до лучших времен». К числу таких проблем можно отнести проблему сознания и связанную с ней проблему инновационной (сверхадаптивной) активности человека. Происходит это, на мой взгляд, потому, что *сознание – это образец проблемы, реальная сложность которой перманентно превалирует на фоне простоты познавательных процедур, используемых для ее решения.*

Однако если учесть, что в процессе развития науки эти процедуры становятся все сложнее, то должно наблюдаться сближение между реальной сложностью изучаемого феномена и уровнем сложности профессионального мышления, обеспечивающим адекватную постановку и решение научной проблемы. Развитие науки заявляет о себе закономерным повышением уровней системного видения изучаемой реальности (В.С. Степин). При вхождении науки в область познания сверхсложного, как заметил Р. Барнетт, каждый исследователь вынужденно становится «практикующим эпистемологом» [4]. Для меня это означает не только перенос исследователем своего видения реальности за пределы сообщества, в котором это видение сформировалось, но прежде всего умение (и хотение) определить свое место в общем движении научного познания, психологического, в частности, т.е. оценить истоки и уровень сложности используемого мышления. Без этого не будет у исследователя осознания сопричастности к собственной науке.

Думается, что фактом возрастающего интереса к проблеме сознания как раз и заявляет о себе созревающая в психологии возможность нового взгляда на сознание как предмет психологического исследования. Не случайно, как мне кажется, Г.В. Акопов – один из самых последовательных и глубоких аналитиков в области психологии сознания – указывает на то, что именно сегодня важно «вывести сознание из «латентного» состояния и осознать как научную проблему в *новом содержательном и качественном объеме*», полагая, что обсуждение проблемы на новом этапе развития науки «позволит выявить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы» [1].

Проблема теперь заключается в том, чтобы выявить, в каком направлении на самом деле идет трансформация профессионально-психологического мышления. Или должна идти – для того, чтобы вы-

вести научную проблему из ее «латентного состояния» (Г.В. Акопов), т.е. осознать ее в пределах более широкой системы, «в новом содержательном и качественном объеме».

Так на какой новый вариант теоретизирования в психологии ангажирует нас вызов, идущий от усложняющегося мира? Видимо, на такой, который способна обеспечить возрастающая культура психологического мышления. Вопрос же о том, что включает в себя понятие «культура психологического мышления», остается открытым прежде всего потому, что поднимается крайне редко, а его непопулярность, в свою очередь, определяется тем, что, оставаясь очень сложным, он еще и этически мало привлекателен. Здесь нельзя путать индивидуальные показатели культуры мышления ученого, проявляющиеся в совокупности формально-логических, языковых, содержательно-методологических и этнических требований и норм, предъявляемых к интеллектуальной деятельности человека, и различные свойства его мышления, такие как гибкость, логичность, реалистичность, с культурой профессионально-психологического мышления, включающей в себя идеалы рационального рассуждения, опыт постановки и решения научных задач, особенности интерпретации полученных данных и т.д.

В свое время Ст. Тулмин, уловив «ощущение высочайшей методологической культуры», которое исходит от творчества Л.С. Выготского, назвал его «Моцартом в психологии». Теперь стоит задача, как это ощущение перевести в осмысление, приводящее к пониманию истоков и сущности культуры мышления, лежащей в основании культурно-исторической теории (тавтология здесь вынужденная, но весьма красноречивая). На мой взгляд, для осмысления культуры мышления Л.С. Выготского время только наступает, потому что ученый использовал не просто сложное мышление, но мышление сверхсложное (многомерное). В одной из своих работ я привожу обоснование этого предположения [18]. Это прогнозировал и сам Л.С. Выготский: «Для всякой науки раньше или позже наступает момент, когда она должна осознать себя самое как целое, осмыслить свои методы и перенести внимание с фактов и явлений на те понятия, которыми она пользуется» [5. С. 310].

Д.А. Леонтьев в своей работе «Неклассический вектор в современной психологии» выделяет несколько направлений «неклассической трансформации психологии»: от поиска знаний – к социальному конструированию; от монологизма – к диалогизму; от изолированного индивида – к жизненному миру; от детерминизма – к самодетерминации; от потенциализма – к экзистенциализму; от количественного подхода – к качественному; от констатирующей стратегии – к действенной. «Этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать исчерпывающим [13. 58–59]. Интересно все-таки пойти дальше, понимая, что тенденции есть только

следствия, намекающие на наличие закономерностей и сил, которые они (тенденции) и проявляют самим фактом своего возникновения. Например, уже сам факт выделения фаз, или этапов, развития науки, адекватных последовательной смене идеалов рациональности (классика – неклассика – постнеклассика), предполагает закономерность, определяющую возникновение именно этой последовательности. Если за сменой форм и уровней мышления, отраженного этой триадой, открывается объективная тенденция развития, характерная для всех наук, то мы сталкиваемся с наиболее общими закономерностями познания, которые предопределяют появление в поле зрения науки новых объектов и новых предметов научного познания.

Каждый новый тип научной рациональности позволяет выделять и исследовать соответствующие типы системных объектов – простые системы (классика), сложные саморегулирующиеся системы (неклассика), сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы (постнеклассика) (В.С. Степин). Получается, что предмет науки способен сам *перестраиваться* в ходе становления научного познания, отражая тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности. Например, в поле зрения психологов появляются последовательно усложняющиеся системные конструкты, конституирующие витальную онтологию человека (транссубъективное пространство (Д.Н. Узнадзе), жизненное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л.С. Выготский), жизненный мир (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), многомерный мир (А.Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В.Е. Ключко). Можно выявить и другие тенденции, проявляющиеся:

- в динамике используемых в психологии подходов (атомарный – структурный – структурно-системный – системный);
- становлении отдельных принципов, например принципа детерминизма (примат внешней детерминация – примат внутренней детерминации – самодетерминация – системная детерминация);
- росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление – галилеевское мышление – метасистемное мышление).

На основе этих примеров можно выдвинуть предположение о том, что не отдельный ученый, а наука как саморазвивающееся целое всем процессом своего самодвижения осуществляет интеграцию различных принципов, а значит, и методов, и предметов исследования, конструируя тем самым все новые призмы видения, через которые открывается все более сложная психологическая реальность. Первоначально изолированные и только дополняющие друг друга принципы системности, развития и детерминизма окончательно теряют свою автономность, когда в качестве предмета науки появляется *саморазви-*

вающаяся система с присущей ей способностью к самодетерминации. Таким образом, появляется некоторая методологическая база, способная направить поиск концептуальных оснований для выделения и объяснения тенденций развития науки.

Один из возможных путей концептуализации заключается в том, чтобы и науку, изучающую человека, и человека как ее предмет представить в качестве открытых самоорганизующихся систем, режимом существования которых является саморазвитие. Такой подход непосредственно выводит к проблеме становления, внутри которой открываются механизмы созревания и роста, межуровневые переходы и основания, обеспечивающие эту загадочную устремленность системы к более высоким уровням, на которых сохраняются все позитивные результаты, полученные на более ранних (и более низких) уровнях становления, и открывается новая «зона ближайшего развития» системы. С моей точки зрения, становление – это закономерное усложнение системной организации сложных целостностей (открытых систем) в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий.

Мой ответ на вопрос о том, почему не решается проблема сознания, заключается в следующем: в рамках классической и неклассической психологии проблема сознания не может быть решена прежде всего потому, что эти рамки слишком малы для столь глобальной проблемы. Иными словами, масштабы, которые задают парадигмальные установки уходящих (но вовсе не ушедших!) эпох, не позволяют адекватно поставить проблему сознания. Она избыточно сложна для сравнительно простого мышления, которое культивирует классицизм, и все еще слишком сложна для неклассицизма, изрядно размывшего бинарное мышление, выступающего в качестве базального основания идеала рациональности, принятого классицизмом. Практически все, что мы знаем о сознании, представляет собой описание многомерного явления с позиций одномерно-бинарной логики.

Необходимо заметить, что в этой же логике осуществляются и различные попытки определить сознание, а оно столь же последовательно ускользает от определения. В результате следует признание: «Сознание – самое ценное достояние человека. Тем не менее никто не знает, ни что такое сознание, ни как оно возникло, ни что делает... Попытки придать работе сознания какой-либо постигаемый смысл встречаются, но не выглядят убедительными» [2. С. 166–167]. Интересно, если «никто не знает, ни что такое сознание, ни как оно возникло, ни что делает», то откуда возникает такая уверенность в том, что «сознание – самое ценное достояние человека»?

Во-вторых, каковы на самом деле истоки уверенности в том, что сознание обязательно что-то «делает»? Зачем надо приписывать «работе сознания какой-либо постигаемый смысл», убеждаясь всякий раз, что опять не то «приписали»?

Понятия «деятельность сознания», «работа сознания», «психическая деятельность» и т.п. — это не расхожие стереотипы, а прямой результат упрощенного мышления, берущего начало в классицизме, когда за отсутствием человека его функции подлинного деятеля приписывают психике, сознанию, мозгу и т.д., а потом через функции начинают определять и саму психику или сознание. Но ведь это человек познает мир, ставит цели, регулирует свою жизнедеятельность, осуществляет свою жизнь, а не сознание вместо него. И это человек вступает в сложную взаимосвязь с миром, а не живущие в нем ипостаси в виде субъекта, личности, индивида. Кроме того, с каждым днем становится понятнее бесперспективность продолжающихся попыток соединения результатов аналитического «рассечения» целостного человека на указанные составляющие. Дело здесь не только в пресловутом «целое больше суммы частей», а в том, что самым актом аналитики классического уровня уничтожается нечто такое, что впоследствии невозможно обнаружить при самом тщательном и искусном исследовании частей. Мне думается, что именно эта участь постигла сознание: оно растворилось в «черной дыре» аналитической «члененки». Сознание ничего не делает, делает человек с помощью сознания как своего общесистемного (эмерджентного) свойства. Нужно спрашивать не о том, что делает сознание, а о том, какая функциональная роль отведена сознанию в открытой системе человекообразного уровня. Но для этого и саму систему надо рассматривать как функциональную. Можно полагать, что это такая роль, без которой человек не сможет выполнить свою миссию, свое человеческое предназначение.

Обратите, например, внимание на ту эмоциональность, с которой один из самых видных разработчиков зарождающейся в последние годы философии сложности Эдгар Морен заканчивает свою книгу о методах познания сложного: «Сложное познание не может оперировать так, как оперировала классическая наука. Операциональность классической науки является по сути операциональностью манипулирования... А парадигма упрощения открывает дверь для всякого рода манипулирования... *Упрощающее мышление* стало варварством науки. Это — особое варварство нашей цивилизации. Это — варварство, которое сливается сегодня со всеми историческими и мифологическими формами варварства» [14. С. 443]. Сказано, на мой взгляд, слишком эмоционально, но достаточно справедливо.

1. Простое психологическое мышление: одномерно-бинарная логика классицизма

Говоря об эволюции науки как *последовательном и вполне закономерном усложнении мышления, которым пользуются психологи*, стоит отметить, что при этом один из уровней (назовем его «простое

мышление») с отстаиваемой точки зрения свойствен не только психологам, но и другим людям, пытающимся осмыслить себя и свое место в мире. С него психология начинала когда-то, но ведь оно никуда и не исчезло. И если согласиться с этим, то естественным образом возникает вопрос о том, насколько сегодня такое мышление можно считать профессиональным. Признание того, что таким мышлением могут пользоваться и профессиональный психолог, и «первый встречный», переводит проблему в популярный дискурс о сущности и признаках профессиональной компетентности, а конкретно – в проблему профессиональной компетентности психолога-исследователя.

Понятие «первый встречный» я взял в кавычки, поскольку позаимствовал его у К. Поппера, и намереваюсь удержать именно тот контекст, в котором его использовал сам автор «эволюционной эпистемологии». Критикуя «бадейнскую теорию», или обсервационизм, который является «стандартной» теорией познания от Аристотеля до наших дней (включая сюда Бертрانا Рассела, Дж.Б.С. Холдейна, Рудольфа Карнапа), К. Поппер заметил, что эту теорию разделяет и первый встречный. Простота мышления, на котором строится бадейна теория, позволяет задавать только «бесхитростные вопросы» и получать столь же бесхитростные ответы. «Однако это не та позиция, которую можно вывести на более высокий уровень и преобразовать в такую теорию познания, к которой можно было бы отнестись серьезно» [19]. Для нас важно то, что анализ истоков обсервационизма выводит к первому признаку простого мышления, а именно такому его показателю, как бинарность.

К. Поппер полагал, что ошибочность этой концепции связана с традиционной моделью физической причинности, которая не работает применительно к организмам «и даже применительно к автомобилям или радиоприемникам, как и вообще применительно к устройствам, имеющим доступ к некоторому источнику энергии, которую они могут расходовать разными способами и в разном количестве» [19]. С моей точки зрения, бадейна теория была первой, и отличается она не только простотой, но и достаточно весомой аргументацией, которая позволяет ей держаться на плаву, уже более двух тысячелетий выдерживая контраргументы со стороны противостоящих теорий. Эту весомость обеспечивает мышление, отталкивающееся от самоочевидности разделенности всего сущего на противоположности (субъективное – объективное, внутреннее – внешнее, психическое – физическое, Я – не-Я, сознательное – бессознательное, Материя – Дух и т.д.). Бадейна теория до сих пор опирается на это мышление, оставаясь довольно влиятельной, особенно в психологии. Но она сама себе создает проблемы, претендуя на решение таких задач, которые по сложности своей значительно превышают ресурсы простого мышления, на которое опирается теория.

Например, обсервационизм не учитывает, что сознание, обеспечивающее человеку способность видеть мир отдельно от себя, в результате чего и рождается чувство самоочевидности их противостояния, уже включено в теорию в качестве ее предпосылки, а потому не может стать для нее предметом познания. Иными словами, если бинарное видение мира (различение Я и не-Я) порождено сознанием, то можно ли с помощью бинарного мышления поставить и решить проблему сознания в психологии? Злоключения же теории, приводящие к выводу о ее ошибочности, начинаются после того, как она все же попытается это сделать. Ведь в ее распоряжении остается только один, притом достаточно пугающий образ человека в виде некой емкости (бочки, бадьи); в ней размещается сознание (или психика, или мозг – в зависимости от концептуальных предпочтений), напрямую связанное с «дырками», проделанными в бадье, в которых дислоцируются органы чувств, через них и проникает «объективная реальность». Теперь уже не сознанием определяется эффект присутствия человека в мире, но признается, что эта дихотомия существовала всегда, ибо «так устроен мир». И когда рождается ребенок, мир, который был до ребенка и будет после, весь, во всем его предметном (вещном) составе образующий «окружающую среду», начинает «приставать» к ребенку, проникать через «дырки», если они конечно есть и если это «нормальные дырки».

Основную канву всей работы определяет следующее утверждение: *всю историю психологического мышления как закономерного усложняющегося феномена можно высветить через то, каким образом ставится и решается учеными проблема «места встречи» человека с миром.* Проблема очень принципиальная, потому что здесь не очень важно, что будет сказано ученым во имя развития идеи («во-вторых», «в-третьих» и т.д.), поскольку все дальнейшее легко выводимо из того, что он сказал, формулируя свое «во-первых». Кроме того, это проблема очень болезненна для тех мыслителей, которые полагают, что «место встречи изменить нельзя». Они бьются и будут биться за правомочность своего взгляда, в соответствии с которым это «место встречи» располагается на поверхности человеческого тела, точнее, по дислоцированным на ней «дыркам» (органам чувств и рецепторам); психика и сознание подкожны или представляют собой некие неведомо где (хоть бы и под кожей) существующие «целостные сферы» («сфера сознания», «сфера бессознательного» и т.д.), которые являются дискретными самодействующими органами (потому и словосочетания «психическая деятельность», «деятельность сознания» часто пишутся без кавычек).

При этом я согласен с К. Поппером в том, что эволюция научного знания представляет собой в основном эволюцию в направлении построения «все лучших и лучших теорий», но не считаю, что за этим стоит «дарвинистский процесс», благодаря которому теории становятся

ся «лучше приспособленными» вследствие естественного отбора [19]. С помощью транспективного анализа, т.е. с точки зрения на науку как саморазвивающуюся открытую систему, открывается, что науке присуща не только саморегуляция, но и самоорганизация, каковая и проявляется в виде процесса закономерного усложнения научного мышления, внутри которого сегодня можно выделить уже достаточно обозначившиеся переходные стадии и конкретизирующие их уровни мышления.

2. Сложное психологическое мышление: бинарно-тернарная логика неклассицизма

Оценивая день сегодняшний, можно утверждать, что современная наука вошла в зону перекрытия двух парадигмальных установок, находясь в которой она постепенно накапливает опыт нового, более сложного мышления. Внешне кажется, что сегодня уже нет никаких причин для возникновения теорий, реанимирующих одномерно-бинарную логику профессионального мышления, свойственного эпохе становления идеалов классической рациональности, поскольку переход от бинарной логики к логике многомерной знаменует смещение идеалов рациональности в рамках градиента классицизм – постнеклассицизм. Тем не менее реалии таковы, что «ренессанс» старых (и более простых) форм научных рассуждений происходит зримо, не встречая особого сопротивления. Дело в том, что бинарное мышление представляет собой явление, преодолеваемое (но не преодоленное) неклассикой, обнаружившей истинного самодействующего субъекта – человека с присущей ему способностью к самореализации, самоосуществлению, саморегуляции, самоорганизации и т.д. Устои бинаризма при этом были изрядно «расшатаны», но не преодолены. Понятие «деятельность» продолжает рассматриваться в качестве равноприложимого как к человеку, так и его органам, в том числе и таким, как психика («психическая деятельность») и сознание («деятельность сознания»).

Сложность возникает, когда рождаются попытки совместить бинарные оппозиции (материя – дух, внутреннее – внешнее, объективное – субъективное, психическое – физическое, гомеостаз – гетеростаз и т.д.) и выйти к их со-бытию, т.е. тернарным конструкциям. Сверхсложность заявляет о себе, когда за «методологическим слипанием» указанных противоположностей в их тернарном «со-бытии», констатируемом понятиями «единство» (например, посредством «принципа единства аффекта и интеллекта», «принципа единства сознания и деятельности» и т.д.) или «соприсутствие» («принцип со-присутствия духовного сущего другому сущему», которого придерживается экзистенциальная психология), открывается многомерная и

вполне упорядоченная реальность, в которой на самом деле пребывают «со-бытийствующие» оппозиции. Причем реальность подвижная, динамичная, а с такими явлениями психология работает пока с большим трудом. Прав А.А. Ухтомский: «Крайняя трудность для мысли взять предмет в его текучести» [17. С. 79].

Г. Олпорт писал по этому поводу: «В нынешние времена экзистенциализма я ощущаю, что психологов все меньше и меньше удовлетворяет понятие адаптации и, соответственно, понятия «редукция напряжения», «восстановление равновесия» и «гомеостаз». Встает вопрос, является ли человек, наслаждающийся этими процессами, на самом деле человеком. Нам известно: рост происходит не вследствие гомеостаза, а вследствие определенного рода «трансистаза»; сплоченность – это вопрос сохранения человеческих отношений в движении, а не просто в состоянии устойчивого равновесия. Стабильность не может быть критерием нормальности, поскольку стабильность заводит эволюцию в тупик, отрицая как рост, так и сплоченность» [15. С. 39]. Фиксируемый Г. Олпортом рост когнитивной сложности обозначает дистанцию между методами мышления, используемых применительно к изучаемому явлению. Это также дистанция между двумя образами, двумя представлениями об изучаемом явлении, которые складываются в науке, ведущей себя трансистивно, т.е. удерживающей свою устойчивость в движении (и за счет движения). Чем сложнее образ, тем проще объяснение. Все дело в том, насколько мы способны согласиться с тем, что если явление ускользает от исследования, значит, оно на самом деле сложнее, чем примененная к нему познавательная схема.

Не случайно до сих пор остается практически неизвестным принцип коинциденции Д.Н. Узнадзе, который, последовательно анализируя сменяющие друг друга теории эмпиризма, нативизма, конвергенции, своеобразно устанавливающие взаимосвязи между внешним и внутренним в поведении и развитии человека, пришел к выводу о том, что понятие внутреннего уже содержит то, что считают внешним, и наоборот, понятие внешнего – то, что считают внутренним [16. С. 110].

С большим трудом проходит сквозь «бинарное сито» мысль о том, что «актуально воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего», и это создает «совершенно новое психологическое поле для действия, ведя к появлению функций образования намерения и спланированного заранее целевого действия» [6. С. 49]. Будущее присутствует в настоящем, порожаемое этим присутствием «совершенно новое поле действия» и образование намерений, целеобразование, связанное с динамикой «психологического поля», – разве это не описание того, как зарождается инновационное поведение? Уже на исходе жизни Л.С. Выготский наметит пути окончатель-

ного вывода своей теории за пределы бинарной логики: надо избавиться от параллелизма в диаде «внешнее поле – смысловое поле», взять их «в едином плане», иначе не выйти к «динамике сорта flussig» – текучей динамике [9].

Что обуславливает сложность? Стереотипы нашего собственного мышления, то предпочтение, которое отдается в нем бинарным построениям путем выделения противостоящих между собой диад – как по отношению к пространству (субъективная реальность – объективная реальность, внутренний мир – внешний мир), так и по отношению к времени (прошлое – настоящее, настоящее – будущее). Текучая динамика (становление, *порождение нового*) диадами не фиксируется – она в них просто не вмещается. Иными словами, преодолевая логику бинаризма, мышление должно подняться к реальной многомерности человеческих миров, устойчиво существующих только в динамике их становления, самодвижения, саморазвития.

3. Сверхсложное психологическое мышление: многомерная логика постнеклассицизма

По мнению некоторых философов, переход к многомерности «предполагает революцию в категориальном каркасе научного и философского знаний, поиск иных их логико-методологических оснований» [8. С. 30]. В.Е. Кемеров, обсуждая в рамках социальной философии проблему многомерности социального бытия, указывает на те трудности, которые всплывают при вхождении в логику многомерности [10]. Это проблема *дальнодействия*, которая в философском плане еще недостаточно оценена и осмыслена. С ней связана другая проблема: способность науки выделять *сверхчувственные объекты* и работать с ними. В.Е. Кемеров полагает, что философия, сосредоточившись на критике стереотипов классической научности и рациональности, практически ничего не сделала для выработки новых научных и философских средств фиксации и описания сверхчувственных аспектов бытия. Автор считает, что *одномерное* представление о человеческой деятельности не может быть достаточной характеристикой сверхчувственных аспектов бытия вещей, тем более людей. Когда «человеческие предметы» попадают в живое движение деятельности, они *раскрывают свою многомерность*, включаясь в жизненный процесс развивающейся личности, ребенка или взрослого. За термином «сверхчувственное» скрываются *процесс, организованность, развернутость в пространстве и во времени человеческих деятельных сил*.

Еще более сложным является то, что вытекает из многомерной логики, – признание того факта, что *сознательное и духовное* являются выражениями сверхчувственной сложности человеческого бытия, понятого в его *континуальности*. На разных стадиях социального про-

цесса на первый план выступали то одни, то другие аспекты пространственно-временного освоения и представления мира человеком. Сегодня происходит процесс «переподчинения координат»: если прежде формы пространства выражали время и подчиняли себе его измерение, то теперь *доминантой становится время*. Поворот науки к качественному анализу сложных систем связал пространство и время с их организацией. В.Е. Кемеров полагает, что древняя идея *хронотопа* вновь становится ориентиром мировоззрения, но без конкретного исследования пространства – времени как форм бытия сложных культурных и природных систем идея хронотопа остается лишь ориентиром.

Интересно сравнить, насколько точно совпадают теоретические построения философа, разрабатывающего логику многомерного мышления, с теми построениями, которые (вполне независимо от философа) вынуждены делать психологи; последние в своих экспериментах сталкиваются с многомерными реалиями. О сверхчувственных качествах предметов мне пришлось заявить, когда аппаратная запись эмоций (эксперименты 1972–1976 гг., проведенные в рамках подготовки кандидатской диссертации), синхронизированная с содержанием разворачивающейся на глазах экспериментатора деятельности испытуемого, вскрыла неожиданный и трудно объяснимый в то время феномен: *непрерывно идущий отклик объективных условий деятельности на меняющиеся субъективные человеческие ожидания и запросы*. В докторской диссертации (1991) был представлен абрис теории психологических систем (ТПС), в которой операциональные ценности и смыслы выступили в качестве системных сверхчувственных качеств, возникающих в результате взаимодействия человека с миром, что существенно изменило представление о природе и функции смыслообразования. Тогда же были высказаны первые мысли о дальнодействии (континуальности) психического. Затем, уже рамках ТПС, мы перешли от лабораторных экспериментов к исследованию психологических феноменов в реальной жизнедеятельности (докторская диссертация О.М. Краснорядцевой (1997)), а изучение жизненного самоосуществления человеком (в системно-антропологическом контексте) замкнуло большой цикл исследований (докторская диссертация И.О. Логиновой (2010)).

Представления о сверхчувственных качествах были конкретизированы при разработке принципа системной детерминации (докторская диссертация Э.В. Галажинского (2002)), в соответствии с которым внутреннее и внешнее, субъективное и объективное, вступая во взаимодействие, производят нечто третье – сверхчувственные, общесистемные качества, которые, будучи новообразованиями, не сводимыми ни к первому, ни ко второму, становятся своеобразным параметром порядка, указывающими направления развития системы за пределы ее актуального состояния, организуя тем самым переход возможности в

действительность как основание устойчивого существования саморазвивающихся систем в реальном времени и пространстве [7, 11]. Пространственно-временная (хронотопическая) организация жизненного мира человека стала предметом исследования в докторской диссертации Е.В. Некрасовой (2006), транстемпоральные характеристики человека как саморазвивающейся системы были вскрыты в докторской диссертации О.В. Лукьянова (2009).

Я не буду останавливаться на том большом числе законченных исследований, в которых удалось установить связь между усложнением многомерного пространства жизни человека в ходе онтогенеза и становлением адекватных этим изменениям форм сознания – предметного, смыслового, ценностного. Отмечу только, что сформирована новая «когнитивная метафора», позволяющая объяснить, каким образом мозг человека, по всем параметрам памяти и скородействия уступая компьютеру, именно благодаря многомерности жизненного пространства, его организации, включающей в себя и сверхчувственные динамичные «параметры порядка», справляется с информационным хаосом, в который все больше погружается человек. Важно заметить, что многомерное мышление при всех трудностях его освоения все-таки пробирует себе дорогу не только в теоретико-методологическом плане, но и в плане конкретно-практическом. При этом переключение с бинарной системы на многомерную представляет собой процесс выхода к новому способу мирозидения, но невозможно одномоментное переключение исследователя на рельсы нового мышления. Здесь определенным образом может помочь транспективный анализ как способ изучения живых открытых саморазвивающихся систем в самом процессе их самодвижения [12], однако и сам он является продуктом сверхсложного мышления.

Что же делает многомерное мышление сверхсложным?

Субъективная оценка уровня сложности мышления зависит от того, насколько легко сможет психолог включить в свой образ мышления некоторые идеи, которые можно оценить и как признаки сверхсложного (многомерного) мышления:

– наступает период, когда необходимо реконструировать целое, чтобы понять части: психика как таковая и психика в структуре целостно понятого человека – это два разных феномена;

– мыслить предстоит в терминах динамического целого, а не статических суверенных частей, даже таких «привычных», как личность, сознание, психика, зачастую понимаемых в качестве самостоятельно «работающих» органов, подчиненных собственной логике и присущим им «механизмам»;

– от дискретного понимания психических феноменов необходимо перейти к континуальному представлению о них: например, понять психику, сознание в их «неподкожности», непрерывности и дальности

действии – нет пока другого способа реанимировать психологию как науку о душе, о духе и духовном человеке;

- человек как целое, благодаря психике, представляет собой сложнейшую пространственно-временную организацию, открытую в мир и к самому себе саморазвивающуюся систему с присущими ей темпоральными проявлениями, системной детерминацией инициативных (инновационных) форм жизнеосуществления;

- темпоральность (временная сущность явлений, порожденная динамикой их самодвижения) вводит существенно другое представление о последовательности времен в саморазвивающихся системах: будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему;

- меняется масштаб видения человека как предмета психологического осмысления: привычные рамки «субъект – бытие – жизнедеятельность» или «личность – личностный рост – самореализация» сменяет постнеклассическая по сути, задающая более высокий и широкий масштаб видения проблемы рамка «человек – жизнь – жизнеосуществление»;

- открытые системы человекообразного уровня не производят энергию, необходимую для поддержания активности; они способны отбирать ее извне и концентрировать вдоль тенденционально представленных силовых линий, по которым человек вытягивает себя из настоящего, подчиняясь будущему: смыслообразование (производное самоорганизации) выделяет в жизненном пространстве человека такие места (точки, секторы, сегменты), в которых будущее уже реально присутствует «здесь и теперь», и, следовательно, места, в которых саморазвивающийся человек не совпадает с самим собой;

- оперативные (операциональные) смыслы и ценности представляют собой особые сверхчувственные качества предметов и явлений, их особое субъективное измерение, возникающее в актах взаимодействия человека с миром и только в тех местах этого мира, в которых обнаруживается соответствие между текущими состояниями человека (его напряженными потребностями и возможностями) и тем в мире, что откликается на его ожидание, на его запрос, обращенный к миру.

Итак, зафиксированный с помощью транспективного анализа рост сложности профессионально-психологического мышления выступил в данном случае в качестве показателя прогрессивной эволюции психологического познания. Именно этот рост фиксирует парадигмальная динамика (последовательная смена парадигмальных установок), раскрывая возможности для постановки и решения новых, более сложных и комплексных научных и прикладных задач. В принципе, любой науке приходится время от времени соизмерять уровень сложности обращенного к ней социального заказа с реальной возможностью переформатировать этот заказ в конкретную проблему, постановка и решение которой фундирована методологически, теоретически,

методически. С каким социальным заказом сталкивается психологическая наука сегодня? Насколько она готова его принять и выполнить?

Кратко отвечая на эти вопросы, можно сказать, что заказ этот сверхсложен и требует для своего выполнения задействования адекватного ему арсенала познавательных средств и процедур, т.е. профессионально-психологического мышления сверхсложного типа. Необходимо согласиться с тем, что для манипулирования человеком не требуется проникновения в глубины человеческой сущности. Оно не нуждается в особом психологическом обеспечении: разработчику достаточно обыденной (житейской) психологии и неких рефлексивных навыков. Наверное, знания об условиях становления и механизмах функционирования психики и сознания могут быть полезными и в этом случае, но создатель манипулятивной технологии вполне может обойтись и без этого знания. *Гуманистически ориентированные гуманитарные технологии не могут быть созданы при опоре на поверхностное и упрощенное понимание человека, его сознания, психики.* Для построения «высоких гуманитарных технологий», а «Hi-hum & Hi-ed» – составная часть шестого технологического уклада, в пространство которого вступает человечество, необходимо мышление более высокого уровня сложности.

Другими словами, высокие гуманитарные технологии не могут не опираться на достаточно сложное знание о закономерностях и стадиях становления человеческого в человеке, поскольку любая технология, вступающая в противоречие с законами человекообразования, по сути своей не может быть ни гуманной, ни образовательной. Она не может быть гуманной, поскольку содержит в себе элементы насилия над человеческой природой. Будучи составной частью технологии, насилие может тиражироваться и усиливаться, особенно если учесть информационные возможности современного общества, а также клановую, идеологическую и любую другую ангажированность источников и средств информации. Таким образом, критерии дифференциации гуманитарных технологий по степени их гуманистичности лежат в области различения простого и сложного знания, а также простого и сложного мышления, которое было использовано при разработке этих технологий. Упрощенное, симплифицированное понимание человека создателями и реализаторами гуманитарных технологий изначально перекрывает возможность выйти за пределы манипулятивных технологий.

Литература

1. Акопов Г.В. Реферат «Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований». Режим доступа: http://www.psy.su/psyche/news_gold_psyhe/3682/
2. Аллахвердов В.М. Размышления о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. 264 с.

3. *Аришинов В.И.* Постнеклассические практики, конвергентные (трансформативные) технологии и проблема коммуникации в сложностях. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=3186.
4. *Барнетт Рональд.* Осмысление университета. Режим доступа: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm>.
5. *Выготский Л.С.* Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
6. *Выготский Л.С.* Собр. соч. М., 1984. Т. 6. С. 49.
7. *Галажинский Э.В.* Системная детерминация самореализации личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 44 с.
8. *Дрюк М.А.* Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2002. № 2.
9. *Завершинева Е.Ю.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–135.
10. *Кемеров В.Е.* Социальная философия: Курс лекций. Екатеринбург, 2000.
11. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
12. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транссективный анализ). Томск, 2005.
13. *Леонтьев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1.
14. *Морен Э.* Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
15. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева; Под общ. ред. Д. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 462 с.
16. *Узнадзе Д.Н.* Антология гуманной педагогики. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. С. 110, 224.
17. *Ухтомский А.А.* Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 79.
18. *Klochko V.E.* Cultural-Historical Psychology of L.S. Vygotsky: Exploring the Logic of Multidimensionality // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook / Ed. by Yu.P. Zinchenko & V.F. Petrenko. Moscow: Lomonosov Moscow State University; Russian Psychological Society, 2010. 719 p. (P. 112–130).
19. *Popper K.* A Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J.W. Pollard. New York: John Wiley & Sons, Chichester, 1984. Ch. 10. P. 239–255. Режим доступа: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/cgi-bin/htconvert.cgi?popper.txt>.

THE EVOLUTION OF PSYCHOLOGICAL THOUGHT: THE STAGES OF DEVELOPMENT AND PATTERNS OF COMPLICATIONS

Klochko V.E. (Tomsk)

Summary. The paper considers the problem of psychological science in terms of its inherent dynamics paradigm, which manifests itself in a regular complication of professional psychological thinking. Transspektiv analysis is shown as a methodological tool study of open self-developing systems. Relying on transspektiv analysis, the author reveals the laws of science, which manifest themselves increase the complexity of use of cognitive tools and procedures. Discusses the rationale of the progressive development of psychological science as an open theoretical self-organizing system. Stand simple way of thinking (one-dimensional-binary) characteristic of classical science, complex hinking (binary-ternary), which is characteristic of non-classical science. Argues that modern psychology is moving toward postnonclassycal paradigm and thus ternary thinking is replaced by a multi-dimensional, in which mind and consciousness is given a new explanation.

Key words: paradigm, the types of scientific rationality, just thinking, complex thinking, a supercomplex thinking sophisticated way of thinking, binarizm, ternarizm, multidimensional, self-development, self-organization, the theory of psychological systems, transspektiv analysis.